

— Вот как? — Дин Тянь к домашним интригам и дрызгам между жёнами и наложницами интереса не питал.

— Ну да! — Линь Ци прямо-таки лучился страстью к сплетням. — Если бы не этот скандал, никто бы и не прознал, что наложница Жуюй — девица из благородных чиновничьих кровей. Правда, в те годы её отец занимал всего лишь скромный пост помощника уездного судьи восьмого ранга. Это потом уже он выслужился до самого судьи — говорят, в каком-то глухом захолустье, и лишь со временем потихоньку пошёл в гору. Но уездным судьёй он стал всего два года назад, когда Жуюй уже всю грела постель нашего господина в качестве наложницы.

— Понятно, — отозвался Дин Тянь.

Типичная мыльная опера.

— Но и семья госпожи — тоже не лыком шита, — понизив голос, продолжал Линь Ци, демонстрируя поистине профессиональное знание дела. — Говорят, её родня — богатейшие землевладельцы в тех краях. Один её старший брат сейчас служит в самой академии Ханьлинь, а младший, парень толковый и прилежный, уже заслужил степень цзюйжэня. Сейчас, может, разница и не бросается в глаза, но у них огромный задел на будущее. А у наложницы Жуюй хоть отец и уездный судья, но братья совсем бестолковые. Боюсь, в долгосрочной перспективе... ловить им нечего, угаснут.

— Понятно, — вновь кивнул Дин Тянь.

Ещё одна порция дешёвой драмы.

— К тому же я слышал, что зять господина Ма раньше был здешним префектом, но его перевели. Покровителя больше нет, вот нашему судье, хоть его и перевели на новое место, и приходится сидеть тише воды, ниже травы, — вовсю разглагольствовал Линь Ци. — А вот брата госпожи, поговаривают, скоро отправят на службу в провинцию. На Севере только-только улеглась военная буря, чиновников не хватает повсеместно. Как думаешь, не назначат ли его к нам?

— Кто знает, — усмехнулся Дин Тянь. — Даже если и так, начнёт он всё равно с должности простого уездного судьи. Чего нашему господину так уж робеть?

— Ну, тут ты совсем от жизни отстал! — оживился Линь Ци ещё пуще. — Наш господин Ма — всего лишь «товарищ цзиньши». Слыхал небось поговорку: «Товарищ цзиньши — всё равно что наложница при живой жене»? Выше префекта ему в жизни не прыгнуть, это его абсолютный потолок. Дальше дороги нет, если только не совершить какой-нибудь неоспоримый подвиг, как господин Ду, заслуги которого при всём желании не замолчать. А вот настоящие цзиньши — совсем иное тесто. Они могут подниматься по карьерной лестнице без ограничений, и многие со временем входят в состав Императорского кабинета!

В эти времена, точь-в-точь как при династиях Мин и Цин, законы чиновничьего мира соблюдались со всей строгостью: не получив звания цзиньши, нельзя было рассчитывать на место в академии Ханьлинь, а без членства в ней — закрыта дорога в Императорский кабинет. В гражданском ведомстве эта иерархия соблюдалась безукоризненно. То ли дело военные: проявляй доблесть на полях сражений, и никто не взглянет на твоё происхождение. Погоны и звания сыпались на ратных людей с поразительной быстротой.

Всё потому, что у военных не было тех бесконечных интриг и лукавых увёрток, которыми славились начётчики-книжники. Как ни парадоксально, пробиться в люди служивым в ту пору было куда проще, чем крючкотворам из ведомств.

— Ну, в этом я разбираюсь куда лучше твоего, — с лёгкой улыбкой отозвался Дин Тянь.

В конце концов, в прошлой жизни он окончил университет. Пусть это была всего лишь полицейская академия, но высшее образование есть высшее, да и в школе он учился прилежно, особенно хорошо помня уроки истории.

— Экзаменационный список высшей ступени делится на три разряда — «цзя». В первом разряде всего три места: «чжуаньюань» — триумфатор, занявший первое место, «баньянь» — второе, и «таньхуа» — третье. Им лично император жалует высшую степень цзиньши. Победителя во втором разряде именуют «чуаньлу» — хотя когда-то так величали и лидера третьего разряда. Тем, кто попал во второй разряд, даруется статус цзиньши. Третий же разряд — самый многочисленный, и его выпускникам присваивают лишь звание «товарища цзиньши».

Приставка «товарищ» в данном случае означала скорее «недо-». Разумеется, это делалось лишь для того, чтобы подсластить пилюлю срезавшимся соискателям, дабы те с горя не вздумали устраивать смуту на улицах, нарушая мир и согласие в государстве.

Вторит этому и выражение «словно госпожа». Кто такая эта «словно госпожа»? Всего лишь наложница. Наложница, разумеется, законной женой не является. Но чтобы умаслить её или поманить призрачным «блестящим» будущим, глава дома ласково величает её именно так. На словах это звучит красиво: в глазах хозяина ты пользуешься тем же почётом, что и законная супруга. На деле же такое обращение лишь подчёркивает горькую правду: ты всего лишь похожа на госпожу, но никогда ею не станешь. И до заветного звания хозяйки дома тебе — как до луны, а этот статус — лишь самый первый и робкий шаг.

Когда Дин Тянь так просто и доходчиво разложил всё по полочкам, у Линь Ци словно пелена с глаз спала.

— Ну ты и голова! — восхищённо воскликнул он. — Разъяснил так, что даже младенец поймёт!

Дин Тянь лишь загадочно улыбнулся в ответ.

Линь Ци и ведать не ведал, что в ином мире, откуда прибыл Дин Тянь, с этим понятием был

связан один знаменитый исторический анекдот. В восемнадцатый год правления императора под девизом Даогуан будущий великий полководец Цзэн Гофань сдавал дворцовый экзамен и угодил лишь в третий разряд, заслужив звание «товарища цзиньши». Это клеймо на всю жизнь осталось его неизлечимой душевной травмой. По меркам современного мира Дин Тяня — велика ли беда? Обладай исторический деятель масштаба Цзэн Гофаня подобным могуществом в наши дни, выхлопотать себе какую-нибудь докторскую степень ему было бы проще простого, раз плюнуть. Но в эпоху Цин с этим шутки были плохи.

Оттого и родилась история, случившаяся во времена, когда он служил наместником Лянцзяна. Однажды двое его личных советников от нечего делать принялись состязаться в сложении парных куплетов.

Один выдал первую строку: «Словно госпожа».

Второй тут же парировал: «Товарищ цзиньши».

Первый, забавляясь, удлинил стих: «Словно госпожа моет ноги».

Второй не отстал: «Выходец из товарищей цзиньши».

Тогда первый припечатал: «Прислуживать словно госпоже, омывая ей ноги».

А второй с хохотом завершил: «Высочайше жалован званием товарища цзиньши!»

В самый разгар веселья за стеной раздался страшный грохот. Дверь распахнулась, и из кабинета с мертвенно-бледным, яростным лицом вышел сам наместник. Гневно взмахнув широкими рукавами, он стремительно удалился.

Советники впали в ступор, не понимая, чем прогневали патрона, и поспешили за разъяснениями к старейшему из советников.

Тот выслушал их прибаутки и лишь в ужасе всплеснул руками:

— Дурачье! Живо пакуйте пожитки и убирайтесь отсюда, пока целы! Надо же было наступить на самую больную мозоль господина Цзэна... Вы что, не знали, что наш наместник как раз и носит это самое «высочайше жалованное звание товарища цзиньши»?!

Приятель перепугались до смерти, мигом уложили сундуки и дали такого стрекача, что только пятки сверкали.

Им и в страшном сне привидеться не могло, что этот всемогущий муж, подмявший под себя половину Поднебесной, на деле страдал от заурядного комплекса неполноценности из-за

своего «товарищеского» статуса!

И теперь во всём этом мире забавный смысл этой шутки понимал, пожалуй, один только Дин Тянь.

<http://bllate.org/book/19387/1997455>